

БИБЛИОТЕКА ФРАНЦУЗСКОГО ДЕТЕКТИВА

БУАЛО- НАРСЕЖАК

ЖИЗНЬ
ВДРЕБЕЗГИ

БИБЛИОТЕКА ФРАНЦУЗСКОГО ДЕТЕКТИВА

**БУАЛО-
НАРСЕЖАК**

.....
ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

COLLECTION DU ROMAN POLICIER FRANÇAIS

**BOILEAU-
NARCEJAC**

.....
ŒUVRES COMPLETES

VOL.

6

**LA VIE EN MIETTES
LE TRAIN BLEU S'ARRETE TREIZE FOIS...
MANIGANCES**

БИБЛИОТЕКА ФРАНЦУЗСКОГО ДЕТЕКТИВА

**БУАЛО-
НАРСЕЖАК**

.....
ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

**ЖИЗНЬ
ВДРЕБЕЗГИ**

ТОМ

6

.....

ЖИЗНЬ ВДРЕБЕЗГИ

РОМАН

**ГОЛУБОЙ ЭКСПРЕСС
ДЕЛАЕТ 13 ОСТАНОВОК**

ХИТРОСПЛЕТЕНИЯ

РАССКАЗЫ

ЦЕНТРОЛИГРАФ

Москва

1996

ББК 84.4 Фр
Б90

СЕРИЯ
«БИБЛИОТЕКА ФРАНЦУЗСКОГО ДЕТЕКТИВА»
ВЫПУСКАЕТСЯ С 1995 ГОДА

Составитель Л. Завьялова

Художник А. Вальдман

LA VIE EN MIETTES (1972)

© Editions Denoël

LE TRAIN BLEU S'ARRETE TREIZE FOIS... (1966)

© Editions Denoël

MANIGANCES (1971)

© Editions Denoël

Состав, перевод и художественное оформление
© торгово-издательское объединение «Центрполиграф», 1996

Издание на русском языке
© торгово-издательское объединение «Центрполиграф», 1996

ISBN 5-218-00085-X (Т. 6)
ISBN 5-218-00006-X

Охраняется Законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

ХИТРОСПЛЕТЕНИЯ

СБОРНИК РАССКАЗОВ

Перевод с французского

А. Валетова

**БУАЛО-
НАРСЕЖАК**
.....
ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

MANIGANCES

(1971)

© Editions Denoël

Итак, она прячет нож и выдумывает небылицу про преступление. Более того, ей хватает мужества, чтобы дожидаться утра, без помощи, истекая кровью, надеясь на то, что кровотечение окажется, в конце концов, смертельным. И я чуть было на это не попался. Еще немного, и я задержал бы Свена... этого несчастного Свена, которого Аньес ввела в курс дела как раз перед моим приходом к нему и который так плохо умел лгать!

Паршивая овца

Случается, что и полицейский бывает замешан в преступлении. Не знаю ничего более затруднительного.

В ту пятницу я направлялся в Амбуаз к моим друзьям Меркадье. Погода стояла великолепная. На дорогах почти никого. Июль всех выгнал из города. Луара со своими голубыми островами напоминала какое-нибудь полотно эпохи Возрождения. Я напевал про себя, повторяя: «Важные дела на потом». «На потом» означало — завтра!

Я приходился дальним родственником Гортензии Меркадье. Она жила в одном из тех больших, величественных домов прошлых эпох, некоторые из которых еще сохранились в округе: из молочно-белого известняка, трехэтажные, затейливые окна на старинный манер, изящная линия крыши из черепицы, сверкающей на солнце. Перед домом — площадка, обсаженная каштанами, и сразу же до самого горизонта — речной поток. У Гортензии было четверо детей: дочь, Мари-Жозе, и три мальчика. Ришар, двадцати восьми лет, Марсель, двадцати пяти, и девятнадцатилетний Жан-Клод. За два года до этого Мари-Жозе вышла замуж за Эрве Лантельма, но их совместная жизнь не очень-то клеилась. Поговаривали о разводе.

Эрве владел в Туре большим, очень современным гаражом и туристическим агентством. Гаражом он занимался сам, один из его друзей, Кристоф Обер, руководил агентством. Мари-Жозе, Эрве и этот Обер образовали фирму, в которой каждому принадлежала одна треть. Все эти подробности мне предоставила кузина, которая несколькими днями раньше послала мне, полное жалоб, письмо на десяти страницах. По ее сло-

вам, Эрве Лантельм вел себя как бесчестный человек: он не только по-крупному играл, но также снискал себе отвратительную репутацию в области торговли подержанными автомобилями. Напарник его мало чем отличался от него. Мари-Жозе, молодая женщина, немного слабодушная, перестала жить с мужем и переехала к матери. Но Лантельм хотел заставить ее вернуться в супружеское лоно, угрожая ей в случае отказа продать свою долю Оберу: таким образом, тот, став обладателем контрольного пакета акций, превратился бы в хозяина предприятия, а вытесненная Мари-Жозе не замедлила бы разориться.

Возмущение в доме Меркадье росло. Три брата с юношеским пылом говорили о том, чтобы «проучить» Лантельма, потребовать возмещения убытков, рассказать повсюду, что он вел распутную жизнь... Ясно, пустое, не более чем сотрясение воздуха, но доказывавшее: ситуация создалась, что называется, взрывоопасная. И моя добрая, наивная кузина, вся в слезах, умоляла меня приехать разрешить конфликт. «У вас положение, которое придает вам большой авторитет. Они вас послушаются. А если вы пригрозите Эрве вмешаться, то, уверена, он станет как шелковый».

В тот момент я почувствовал себя в полной растерянности. Несчастливая женщина представляла себе, что главный комиссар — а я вот уже три месяца как занимал эту должность — является в то же самое время и судьей, имеет полномочия карать или миловать. Я позвонил было, чтобы попытаться разъяснить ей... Она же тотчас же истолковала мою щепетильность как отказ, принялась плакать, стонала, умоляла. Чтобы покончить с этим, я сдался. И потом, я подумал, что она, наверное, преувеличивает, что положение не настолько серьезно, как она утверждает, и у меня росло сильное желание рассмотреть поближе эту паршивую овцу семейства. Так что я согласился, но потребовал, чтобы Лантельм присутствовал и мог изложить свои претензии, если таковые у него имеются. Кузина моя протестовала. Я упорствовал.

Короче, уговорились, что соберемся всемером: моя кузина Гортензия, Мари-Жозе, ее муж, трое братьев и я. Жены Ришара и Марселя не должны присутствовать на встрече, чтобы не накалять атмосферу. Что касается прислуги, то предполагалось отпустить их на два дня. Что-

бы без чужих ушей. У меня были все основания полагать, что потасовка будет ожесточенной, но я дал себе слово не выходить за рамки своей роли доброжелательного наблюдателя и в промежутке между обсуждениями побродить по берегам реки, которую я так люблю.

Прибыл я в Амбуаз к концу дня. На песчаных отмелях виднелись рыболовы, над водой кружили ласточки, а в небе роскошно сиял закат. Добрая Гортензия встретила меня, словно я был посланником Господа. Она, естественно, сразу же провела меня в маленькую гостиную, дышавшую милой стариной, чтобы повторить то, что угнетало ее, а затем проводила в мою комнату. Я не входил в этот дом на протяжении двадцати лет. Он оказался еще просторнее, чем в моих воспоминаниях. Лестница с широким пролетом вела на второй этаж. Полы тонко пахли воском. Комнаты выходили в длинный коридор.

— У вас будет голубая спальня, — заявила мне Гортензия.

Я понял, что это лучшая комната в доме. Мы прошли по огромному коридору, украшенному то там, то здесь рыцарскими доспехами и картинами невысокой ценности, зато величественных размеров.

— Что касается меня, — сказала Гортензия, — то я живу на другом конце, напротив комнаты, которую займет Лантельм...

На последних словах она понизила голос, как если бы произнесла нечто постыдное.

— Спальня моей дочери напротив вашей комнаты, — продолжила она. — Их следует отделить друг от друга, ведь правда? Впрочем, они стали как чужие. И подумайте...

Она остановила меня посреди коридора и вновь начала свои причитания. Я терпеливо выслушал ее. В общем, держался как бойскаут. Покуда она говорила, я любовался пропорциями этого этажа, красотой деревянной обшивки и выступающих потолочных балок. Архитектор, проектировавший это жилище, явно тяготел к стилю замков, расположенных по соседству. Время от времени я вежливо кивал. В какое осиное гнездо я влез! Гортензия вновь тронулась в путь.

— Уж извините меня, дорогой кузен. Я выплеснула на вас все наши злоключения... А вот вы и у себя!

Она отворила дверь, и я вошел в голубую спальню. По поводу нее я сделал ей комплимент. Стены обиты плотной тканью, напоминающей обюссонские гобелены; повсюду изящная мебель. В центре — большая кровать с балдахином, ей-богу, совершенно королевская.

— Вы балуете меня, — сказал я.

— Вовсе нет. Я просто хочу, чтобы вы хорошо отдохнули, вот и все.

Благодаря толстым стенам, температура в комнате сохранялась неизменной. Пышный ковер поглощал звук шагов.

— Ужинать будем в восемь часов, попросту. И этим вечером ни о чем ни слова.

Я расположился, переоделся, выкурил сигарету перед окном, которое выходило на почти безлюдную площадь. Подлинная провинция со всем ее покоем и размеренностью, которые она сумела сохранить. В восемь часов Гортензия постучалась в мою дверь. В честь меня она прихорошилась и с гордостью спустилась по лестнице со мной под руку. Семейство ожидало нас в столовой, обставленной с несколько излишней роскошью. Чувствовал я себя неловко. Все сохраняли весьма чопорный вид. За мной украдкой наблюдали. Если бы я держал их на расстоянии, они все приняли бы меня за несносного хвастуна, а если бы я попытался вести себя приветливо и сердечно, то во время обсуждения мне отказали бы даже в том минимуме почтительности, который необходим по отношению к третейскому судье. Кузина поставила меня в самое двусмысленное положение. Я чувствовал их подозрительность, и меня начали раздражать я сам, они и этот бессмысленный ужин.

Разговора не получилось. Каждую секунду Мари-Жозе или же ее более молодой брат Жан-Клод вставали с мест, чтобы принести кушанья или обслужить кого-нибудь. Если бы Гортензия обладала большей проницательностью, она устроила бы что-нибудь простое, вроде «шведского стола», что способствовало бы непринужденной и раскованной беседе приглашенных к столу. Я бы смог поговорить с тем, с другим, прощупать почву, просто научиться отличать их друг от друга, тогда как теперь я все еще сомневался по поводу их имен. Самый высокий, слева от Гортензии, видимо, старший. Справа от меня мог быть только Марсель, поскольку напротив си-

дел Эрве. В тот момент они все походили друг на друга, такое серьезное выражение хранили их лица. Одна только Гортензия, полагавшая, что, раз уж я здесь, спор скоро уладится, болтала о пустяках, улыбалась своему зятю, заставляла меня взять кусочек шуки. Марсель едва касался еды, Ришар выглядел разгневанным, а Мари-Жозе, должно быть, плакала, когда выходила на кухню, так как возвращалась с покрасневшими и блестящими глазами. Лучше всех себя чувствовал опять же Эрве, который держался молодцом, не пропускал ни одного блюда, пил вино, не разбавляя, и время от времени бросал в мою сторону заговорщический взгляд, как бы беря меня в свидетели полного провала. К сыру и фруктам я приступил с облегчением. Гортензия шепнула мне на ухо:

— Видите, кузен, я была права. Ни слова на повышенных тонах. Никогда не видела их такими разумными.

Она решительно ничего не понимала. Я сказал бы, что накал страстей достиг своего апогея. Они перемещались невидимыми потоками, словно флюиды, и прорывались то там, то тут в движении руки или сдержанном стуке ножа о тарелку. Наконец мы встали из-за стола. Лантельм вышел первым. Он попрощался коротким ироничным кивком головы уже сбившуюся в кучку семью и покинул свое место, его шаги отдавались по паркету. Поскольку я не собирался выслушивать неприятные слова, которые не замедлили прокомментировать его уход, то быстро распрощался. Я торопился остаться один. Какого черта я ввязался в это дело?.. Я выкурил две или три сигареты, затем, опасаясь плохой ночи, проглотил снотворное и лег спать.

Разбудил меня стук в дверь. Я зажег свет. Половина первого ночи! Я побежал открывать. Гортензия поспешно запахивала домашний халат.

— Стреляли, — сказала она. — В комнате Эрве... Револьверный выстрел... Идите скорее!

И вот она уже стучит в дверь Мари-Жозе, которая тут же вышла из комнаты. Мы побежали на другой конец коридора. Дверную ручку я крутил напрасно: спальня Эрве была закрыта на ключ. Я позвал:

— Лантельм... Эй... Лантельм!..

Без ответа. Я опустился, чтобы посмотреть сквозь замочную скважину.

— Вы ничего не увидите, — сказала Мари-Жозе. — С другой стороны драпировка.

— Сделайте хоть что-нибудь! — стонала Гортензия.

Привлеченные шумом, три брата спустились с третьего этажа, где они спали. Они были в пижамах.

— Что это значит? — кричал Ришар. — Пожар или что?

— Эрве, — сказала Мари-Жозе. — Он убил себя.

И она разрыдалась.

— Он! — воскликнул Жан-Клод. — Меня бы это удивило!

Мы были здесь вшестером, смешно выглядывшие в своей ночной одежде, перед безмолвной комнатой. Со всей очевидностью, мне надлежало принять инициативу на себя.

— Остается лишь ломать дверь, — сказал я.

— А чем? — спросил Ришар. — Она крепкая.

— Вот этим! — воскликнул Марсель, хватаясь за некое подобие абордажного топора, который висел неподалеку в паре с рыцарским комплектом.

И вот он бьется над прочной дубовой дверью. Он не без труда раскромсал ее, просунул в отверстие всю руку, некоторое время нащупывал, чтобы найти ключ, повернул его, и мы вошли.

Горел верхний свет. Эрве лежал распростершись у изножья своей кровати. Пижама на груди покрыта пятнами крови. Я осмотрел рану: убит пулей малого калибра. Окно оставалось открытым. Через него виднелись деревья парка.

— Оставайтесь в коридоре, — приказал я, — прежде чем вызвать полицию, я хотел бы проверить ряд моментов.

Я спустился на первый этаж. Задвижка входной двери осталась закрыта. Я вернулся в комнату и высунулся из окна. Около трех метров. Преступник мог выпрыгнуть, не причинив себе вреда. Он, может, и в комнату проник этим путем. Самые разные мысли крутились у меня в мозгу, покуда я глядел на разобранную кровать, тело, гобелен, на котором охотники преследовали ланей. Остальные следили из коридора за малейшим моим движением, что меня сильно раздражало.

Конечно, кто-то посторонний мог пробраться снаружи через открытое окно, но я скорее бы заподозрил одного из троих братьев. Один из них, имея наверняка какие-то личные доводы, пошел к Эрве, чтобы привести их ему. Спор обострился, и... Тот вариант, что у гостя оказался револьвер, мне сильно не нравился. Но возможно, он думал лишь защищаться или произвести впечатление на своего собеседника.

Несмотря на то что убийца жил в этом доме, ему пришлось выпрыгнуть через окно, поскольку дверь спальни была закрыта на ключ. Но как же он тогда смог снова пробраться в свою собственную комнату, ведь входная дверь... так и осталась закрытой на задвижку? Задача сводилась к следующему: одна дверь не позволяла выйти, а другая — войти.

Между тем я видел, как все братья спускались с третьего этажа. Неоспоримое алиби. Или тогда... Или тогда приходится предположить, что преступник продумал свое нападение вплоть до самых мельчайших деталей. Что давало приблизительно следующую картину.

Сперва преступник опускается на первый этаж и отворяет входную дверь. Затем он заставляет Эрве открыть ему, убивает его, закрывает спальню на ключ, выпрыгивает через окно, возвращается в дом, снова закрывает задвижку входной двери и добирается до своего третьего этажа.

Какой бы соблазнительной ни была эта теория, она наталкивалась на факт, о котором не следовало забывать. Гортензия вышла в коридор чуть позже выстрела. Она зажгла свет. Убийца уже прошел или нет? Гортензия не из тех женщин, которые лгут, даже если им нужно прикрыть кого-то из своих. Она была слишком испугана. Она не смогла бы ломать подобную комедию. Нет, она конечно же не заметила в коридоре, как убийца поднимается вверх. Вывод: убийце потребовалось меньше времени, чтобы вернуться к себе, чем моей кузине, чтобы выйти из спальни и зажечь свет. Чтобы разрешить эту трудность, существовал лишь один способ — как можно быстрее повторно совершить то, что совершил преступник, покуда моя кузина в точности не повторит сцену своего пробуждения.

Я подошел к ней в коридоре и отвлек в сторону.

— Послушайте, хорошенько припомните все, что произошло. Вы услышали звук выстрела. Потом?

— Так вот, — сказала она, — мне понадобилось какое-то время, чтобы понять. А затем я поискала выключатель, чтобы включить свет... посмотрела, который час... натянула шлепанцы и схватила домашний халат... еще раз прислушалась... вышла в коридор. Там я опять двигалась на ощупь, потому что выключатель находится довольно далеко. Зажгла свет — ну и вот.

Я больше не сомневался, ситуация теперь полностью прояснилась в моем сознании: или же убийце хватило времени снова подняться на третий этаж, не встретив Гортензии, и тогда виновный — один из троих братьев; или же осуществить маршрут «окно — улица — выходная дверь — лестница» оказалось невозможно без того, чтобы в конце концов не столкнуться с Гортензией, и тогда трое братьев признавались тем самым невиновными — враг явился откуда-то извне. Само собой разумеется, что из списка подозреваемых я исключил Мари-Жозе. Откуда бы она взяла энергию, чтобы пуститься в такие необычные гимнастические упражнения? Я собрал всех в гостиной.

— Будете ждать меня здесь, — сказал я. — Я должен провести один небольшой эксперимент и хочу, чтобы мне ни под каким видом не мешали. Вы услышите шум, ходьбу туда, обратно... не волнуйтесь, не двигайтесь. Это ненадолго.

Я взял Гортензию за руку.

— Пойдемте! Вы мне поможете.

И когда мы остались наедине, я объяснил ей, чего ожидал от нее.

— Вы сейчас снова ляжете спать, кухня моя... Я же закроюсь в комнате Эрве. Как только услышите выстрел — это я буду стрелять, не бойтесь, — вы подниметесь и сделаете в точности то, что уже делали в момент первого выстрела. Но не спешите... Не забывайте, что отходите от глубокого сна, что вам нужно какое-то время на то, чтобы пробудиться, поискать шлепанцы, домашний халат и так далее. Хорошо? Итак, теперь запирайтесь и... внимание!

Покуда я давал ей эти инструкции, мы снова поднялись на второй этаж. Как только она закрыла дверь своей спальни, я тотчас же помчался к шкафу, где сто-

ял мой чемодан. Пристрастие полицейского! У меня всегда имелся при себе небольшой автоматический пистолет, и сегодня я был этому рад. Затем я прошел в комнату умершего. Я собрал все силы, как атлет на старте. Результат имел большое значение. Я должен был действовать не просто быстро, но максимально быстро. Если бы мне удалось достичь третьего этажа прежде, чем выйдет Гортензия, тем самым я доказал бы, что никто из братьев убийцей не являлся. Мой сценарий не ставил себе целью доказать виновность, как это обычно бывает, но убедиться в невинности. Я выстрелил в сторону открытого окна и, превратившись в бегуна, принял старт, бросился вперед, перемахнул через ограждающие перила. Прыжок оказался нелегким. Я упал на камни, поднялся на ноги... А! Входная дверь! Мне предстояло бесшумно закрыть ее, задвинуть засов... Теперь лестница... В коридоре второго этажа по-прежнему пусто. Я быстро пробежал его на цыпочках. Добрался до третьего этажа. Выиграл! Убийцей был точно один из троих братьев!

Совершенно запыхавшись, я медленно спустился вниз. Гортензия еще не выходила. Я подождал ее перед дверью. Что такое? Наконец я постучал. Она подошла отворить мне.

— И что?.. Вы меня не поняли?.. Вы должны были подняться при выстреле моего пистолета!

— Я ждала, чтобы вы выстрелили, — сказала она мне.

— Как! Но я же стрелял!

В течение нескольких секунд я оставался потрясенным. Затем, как-то разом, в моем мозгу наступило просветление. Конечно же существовало другое и несравненно более логичное объяснение, чем то, что я себе придумал. Теперь я был уверен, что знаю, как разворачивались события, и даже имя виновного. Мне оставалось лишь найти абсолютное, неоспоримое доказательство. Я вновь прошел в вестибюль.

Если Гортензия, которая не спала и ожидала звука выстрела, ничего не расслышала, то каким образом мог ее вывести из сонного состояния первый выстрел? Да просто-напросто звук этого выстрела доносился не из комнаты Эрве. Что же произошло?

Убийца приходит к Эрве. Разражается скандал. И затем внезапно, в гневе, посетитель убивает мужа своей сестры. Он даже не пытается спастись бегством. Он забыл, что толщина стен, дверей, обивки на стенах поглощает все звуки. Ему кажется, что сейчас все сбегутся. Но никто не идет. Тогда он задумывается: а ведь можно легко заставить поверить в то, что преступник пришел извне, это отвело бы подозрение от всех жильцов дома. Убийца открывает окно... Но не прыгает. Он покидает комнату через дверь, которую закрывает на ключ, и ключ сохраняет. Затем он производит второй выстрел из пистолета совсем рядом со спальней Гортензии, говоря себе, что на этот раз она вынуждена будет услышать выстрел и забить тревогу. Потом он возвращается на свой третий этаж. Ему даже нет необходимости торопиться!

Чуть позднее он снова спускается вниз со своими братьями. Это он схватился за топор, это он сломал дверь, это он просунул в отверстие руку, вставил ключ в замочную скважину и открыл! Партия сыграна. Кто схватил топор? Марсель!

Что касается пули, которую он выпустил в коридоре, то я в конце концов обнаружил ее в потолочной балке. Это являлось подписью под его преступлением.

СОДЕРЖАНИЕ

Жизнь вдребезги. Роман

Перевод с французского А. Райской 7

Голубой экспресс делает 13 остановок. Сборник рассказов

Перевод с французского Л. Корнеевой 157

Хитросплетения. Сборник рассказов

Перевод с французского А. Валетова 293

Буало-Нарссжак
Б90 Полное собрание сочинений. Т. 6: Роман и рассказы. — Пер. с фр. — М.: Центрполиграф, 1996. — 569 с.

ISBN 5-218-00085-X (Т. 6)
ISBN 5-218-00006-X

В шестом томе Полного собрания сочинений Буало-Нарсежака мы впервые знакомимся с их рассказами. Признанные романисты и в жанре короткого рассказа проявляют себя настоящими мастерами.

Быть может, ограниченное пространство новеллы и мешает свойственному им психологизму, зато в построении интриги и неожиданного финала «на пяточке» рассказа авторы явно выигрывают.

Пессимистическое восприятие современного мира сталкивается в представленных сборниках рассказов с необычайно жизнеутверждающим отношением к людям, населяющим эту зловещую действительность.

Читатели, которые познакомятся с шестым томом Полного собрания сочинений Буало-Нарсежака, безусловно придут к выводу, что целостное представление об их творчестве невозможно без новеллистики.

ББК 84.4 Фр

Литературно-художественное издание

**ПЬЕР БУАЛО,
ТОМА НАРСЕЖАК**

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ 6

Редактор *В.Н. Новичкова*

Художественный редактор *А.И. Моисеев*

Технический редактор *В.Ф. Нефедова*

Корректор *М.В. Макарова*

ЛР № 070243 от 21.11.91 г.

Подписано в печать с готовых диапозитивов 07.05.96.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага газетная. Гарнитура «Таймс».

Печать высокая. Усл. печ. л. 30,24. Уч.-изд. л. 32,81.

Тираж 10 000 экз. Заказ № 1214

Торгово-издательское объединение «Центрполиграф»
127018, Москва, Октябрьская ул., 18

АООТ «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

БУАЛО-НАРСЕЖАК

сежак, эти книги буквально взорвали изнутри традиционный детектив, открыли новую страницу в истории жанра. Вместо привычной «игры ума» для разгадки преступления, соавторы показывают трепетную живую жизнь, раскрывают внутренний мир своих персонажей, очеловечивают повествование. Они вводят в детективный жанр несвойственный ему прежде психологический анализ, который органично переплетается с увлекательным сюжетом. По сути дела они создали новый тип литературного произведения — детективно-психологический роман, где психология помогает раскрыть тайну преступления, а детективный сюжет углубляет и обостряет изображение душевного состояния человека, находящегося в экстремальной кризисной ситуации.

Буало и Нарсежак очень скоро получили всемирное признание. Они опубликовали с 1952 по 1995 год свыше сорока романов. Почти все их произведения переведены на многие языки мира и опубликованы огромными тиражами. Их часто экранизируют в кино и на телевидении.

Буало и Нарсежак заняли достойное место в ряду классиков детективной литературы, таких как Конан Дойл, Агата Кристи и Жорж Сименон.

Буало и Нарсежак, дополняя друг друга, выработали совершенно оригинальную и хорошо отработанную манеру письма, о чем можно судить хотя бы по тому, что и после смерти Пьера Буало в 1989 году его соавтор продолжает подписывать свои произведения двойной фамилией, ставшей известной во всем мире.

